

-
6. Konrad N. I. Kratkij ocherk istorii kitajskoj literatury // Sinologija. M., 1995. S. 517–542.
 7. Literatura Vostoka v Srednie veka / Pod red. N. M. Sazonovoj. M., 1996.
 8. Nebesnyj most: Pojezija Gao Ci (1336–1374) v perevodah Il'i Sergeevicha Smirnova. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 240 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 9. Oblachnaja obitel': Pojezija epohi Sun (X—XIII) / Per. s kit. L'va Men'shikova. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 240 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 10. Osennjaja hrizantema: Stihotvorenija Tao Juan'-mina (IV—V vv.) v perevodah L'va Zalmanovicha Ejdlina. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 224 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 11. Pojezija epohi Tan (VII—X vv.): Per. s kit. / Pod red. R. Deljusina, T. Red'ko, V. Sorokina i dr.; Sost. i vstup. st. L'va Zalmanovicha Ejdlina. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1987. 483 s.
 12. Prozrachnaja ten': Pojezija epohi Min (XIV—XVII) v perevodah Il'i Sergeevicha Smirnova. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. 352 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 13. Suhoj trostnik: Pojezija epohi Tan (VII—X vv.) v perevodah L'va Zalmanovicha Ejdlina. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 256 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 14. Hrestomatija po literature Kitaja / Pod red. M. E. Kravtsovoj. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 768 s.
 15. Chistyj potok: Pojezija epohi Tan v perevodah L'va Nikolaevicha Men'shikova. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 320 s. (Dragotsennye strofy kitajskoj pojezii).
 16. Shedevry kitajskoj pojezii X–XVII vv.: perevod i kommentarii Il'i Sergeevicha Smirnova. M.: Eksmo, 2010. 480 s.
 17. Jashmovye stupeni. Pojezija epohi Min: perevod s kitajskogo Il'i Sergeevicha Smirnova. M.: Nauka, 1989. 352 s.

E. В. Пашков

КАЗЕННАЯ ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье реконструируются следующие аспекты казенной винной монополии: взгляды Министерства финансов на ее цели, общие положения реформы, влияние монополии на уровень и формы пьянства и на народное благосостояние, незаконная торговля водкой, качество спиртоводочной продукции и его контроль. Признается неоднозначность результатов казенной продажи питей.

Ключевые слова: казенная винная монополия, Министерство финансов, казенные винные лавки, пьянство, шинкарство, качество спиртоводочной продукции.

E. Pashkov

STATE ALCOHOL MONOPOLY IN RUSSIA IN THE END OF THE 19th CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article discusses the opinions of the Ministry of Finance on the targets of the monopoly, the legal statements of the reform, the influence of the monopoly on the level and forms of alcoholism, and on the well-being of the people, on the illegal vodka trade, on the quality of vodka and its control. The ambiguity of the results of state alcohol monopoly is admitted.

Keywords: state alcohol monopoly, Ministry of Finance, state alcohol shops, alcoholism, illegal vodka trade, quality of vodka.

Взгляды автора казенной винной монополии министра финансов С. Ю. Витте на ее цели прошли следующую эволюцию: в 1892 — начале 1893 г. он, опираясь на записку И. А. Вышнеградского [6, с. 29], ставил на первый план фискальные цели, либо не устанавливал четкой иерархии задач питейной реформы [10, ф. 574, оп. 9, д. 29, л. 8, 9]; с марта 1893 по 1901 г. Витте писал и говорил о приоритетности социальных целевых установок нововведения [10, ф. 575, оп. 3, д. 3983, л. 69; 10, ф. 575, оп. 6, д. 1, л. 1–1 об.; 10, ф. 574, оп. 9, д. 30, л. 42–42 об.; 10, ф. 575, оп. 6, д. 3, л. 38–40; 10, ф. 575, оп. 2, д. 2339, л. 2–2 об., 9; 10, ф. 575, оп. 6, д. 545, л. 4–4 об.; 10, ф. 560, оп. 26, д. 211, л. 21; 10, ф. 575, оп. 6, д. 554, л. 7 об.; 10, ф. 575, оп. 6, д. 558, л. 6; 10, ф. 575, оп. 6, д. 36, л. 1; 10, ф. 575, оп. 6, д. 37, л. 31 об.; 13, с. 212, 215]; с 1902 по 1903 г., когда монополия полностью окупилась и стала давать приличный дополнительный доход, министр финансов писал о равенстве фискальных и социальных задач питейной реформы [10, ф. 575, оп. 6, д. 294, л. 74–74 об.; 1, с. 492, 497], при том что в то же время приводил и предыдущую иерархию целей [10, ф. 575, оп. 2, д. 2379, л. 184].

На основе изученных фактов мы можем реконструировать следующую иерархию задач казенной винной монополии в ее начальный период: 1) улучшение народного благосостояния и нравственности; 2) повышение качества спиртоводочной продукции; 3) повышение поступлений в бюджет; 4) поддержка мелких винокуренных заводов с помощью введения разверстки на поставки казне спирта-сырца и развитие сельскохозяйственного винокурения.

В 1904 г. Министерство финансов решило использовать монополию для покрытия расходов на Русско-японскую войну и в декабре провело закон о повышении предельных цен на водку с 1 января 1905 г. [7, с. 138], увеличив и действующие, в результате чего дополнительная прибыль казны

возросла с 24 до 35% от дореформенной (подсчеты сделаны по: [8, с. 32; 10, ф. 575, оп. 12, д. 27]).

Эти решения и их мотивация доказывают вынужденное изменение со стороны Министерства финансов иерархии целевых установок питейной реформы, то есть выдвигание им на первое место фискальных целей.

При монополии основным питейным заведением становилась «казенная винная лавка», где алкоголь (спирт 95%, 92% и 57%, водка обыкновенная и повышенной очистки) согласно «Правилам о торговле в казенных винных лавках и о соблюдении в них благочиния» должен был продаваться только на вынос в опечатанной казенной печатью посуде. Запрещалась дача в долг [5, ф. 37, оп. 1, д. 568, л. 12] и под заклад [13, с. 217], продажа пьяным и малолетним до 15 лет (циркуляром от 16 ноября 1901 г.) [14, с. 452]. Также вводились более жесткие ограничения и на время торговли [5, ф. 37, оп. 1, д. 568, л. 199]. «В казенных винных лавках должны [были] соблюдаться чистота и опрятность... находиться икона, часы и настоящие правила. [Запрещалось] вывешивать на стенах лавок всякого рода картины и портреты... Покупатели питей обязаны [были] при входе в казенную винную лавку снимать шапки, вести себя в лавках благопристойно, не раскупоривать посуды с вином, не распивать вина, не курить и оставаться в лавках не более того времени, сколько нужно для покупки питей» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 30, л. 56]. Но в ноябре 1905 г. министр финансов отменил правило о снятии головного убора при входе в лавку [5, ф. 1602, оп. 1, д. 30, л. 96–96 об.].

Смысл вышеприведенных мер состоял в развитии домашнего и более равномерного потребления крепких напитков, а также в связи с этим улучшения народного благосостояния.

По «Положению о казенной продаже питей» спирт-сырец по-прежнему произво-

дился на частных заводах, но отныне частники могли его продавать только государству, которое отправляло сырец (меньшую часть) либо в «казенные винные склады», где производили его очистку (ректификация) и получали конечный продукт: водка обыкновенная, повышенной очистки, спирт 95%, 92% и 57%; либо на частные спиртоочистительные заводы или на спиртоочистительные отделения при частных винокуренных заводах для его ректификации за вознаграждение с последующей отправкой в казенные винные склады, где производилась вышеуказанная продукция; мелкие объемы сырого спирта казна также отпускала частным водочным заводам, оплачивая им производство водки [13, с. 6, 9].

Розничная реализация конечной продукции по установленным государством ценам, которые распоряжением министра финансов повысили в сравнении с частными дореформенными питиями от 10 до 25%, на 90% оборотов (подсчитано по: [5, ф. 37, оп. 1, д. 599 а, л. 27]) происходила через казенные винные лавки, остальное — частными торговыми заведениями, которые продавали водку и спирт по госрасценкам [14, с. 401], сдавая выручку в акцизные органы с оставлением себе 3,5% цены (подсчитано по: [5, ф. 37, оп. 1, д. 603, л. 76 об., 89]).

Следовательно, государственная монополия на производство и сбыт конечной алкогольной продукции с содержанием этилового спирта 40% и выше не являлась абсолютной.

Питейная реформа вводилась в стране поэтапно по группам губерний — с 1895 по 1904 г., постепенно распространяясь по российской территории [13, с. 1, 29, 37, 41; 12, с. 2 (паг. 1-я); 11, с. 635; 4, с. 226], не затронув лишь Финляндию, Закавказье, Дальний Восток, Закаспийскую и Семиреченскую области [8, с. 6].

В сентябре 1899 г. управляющий акцизными сборами Санкт-Петербургской гу-

бернии представил в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСиКПП) данные «о результатах влияния казенной винной монополии на фабрично-заводское население...», согласно которым «число заболеваний и вообще случаев обращения к врачебной помощи, являющихся последствием чрезмерного употребления спиртных напитков, значительно уменьшилось... домашнее потребление вина значительно увеличилось... Количество прогулов... значительно уменьшилось... [монополия] имеет благоприятное влияние на уменьшение пьянства среди фабричного населения» [10, ф. 575, оп. 6, д. 32, л. 1, 3–4 об.].

Акцизный надзор Курской губернии констатировал, что «с введением винной монополии заметно большое уменьшение пьянства и разгула и сопряженных с ним преступлений, в особенности в селениях, где на это имеет большое влияние раннее закрытие казенных винных лавок в праздничные и предпраздничные дни, когда до введения монополии в частных питейных заведениях происходили усиленное пьянство и разгул, где водку можно было приобретать в долг за вносимое платье и всякие другие предметы» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 139–139 об.]. Мужики в дни церковных праздников стали ходить в церковь [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 141 об.]. Селяне лучше стали платить налоги и подати, так как меньше пропивали денег. Повысился нравственный облик «мужиков». До реформы в постоянных дворах и кабаках постоянно был слышен мат и проходили драки. Кроме того, кабак «являлся вместе с тем пристанищем пороков сельского общества, где обыкновенно зарождались, замышлялись и решались разные преступления против собственности» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 149 об.]. Теперь такого не стало наблюдаться, по крайней мере, в дореформенных масштабах. «Уменьшились поджоги и вообще преступные деяния, которые в большинстве случаев совершаются

через водку и излишнее пьянство. Крестьяне... стали нравственнее и более трудоспособны и, следовательно, более религиозны». Меньше стали появляться на работе в нетрезвом виде, «за работу принимаются не с тою апатиею, как наблюдалось раньше» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 154, л. 146]. Отравления алкоголем от его чрезмерного употребления стали меньше [5, ф. 1602, оп. 1, д. 154, л. 148]. Крестьяне стали больше пить водку дома, но в другом акцизном округе «домашнее потребление вина развивается пока слабо; весьма часто купленное в лавках вино распивается тут же около лавки и в ближайших закоулках, вследствие чего около казенных винных лавок часто наблюдается скопление нетрезвой толпы» [5, ф. 1602, оп. 3, д. 60, л. 84 об.]. В первое время действия реформы крестьяне относились к ней недружелюбно [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 145]: «население сначала было недовольно новыми порядками, особенно на то, что не во всякое время дня и ночи можно покупать вино, нельзя достать его в долг, под залог вещей, нельзя получить пьяному» [5, ф. 1602, оп. 3, д. 32, л. 126 об.]. Хотя «лучшие люди из крестьян в питейной реформе видят залог будущего благосостояния крестьянского населения» [5, ф. 1602, оп. 3, д. 60, л. 84–84 об.].

Изучая годовые отчеты по акцизному и винно-монопольному делу по Курской губернии, мы обнаружили, что в Отчете за 1901 г. социальные результаты реформы отмечены [5, ф. 37, оп. 1, д. 602, л. 283 об.], а вот в отчетах за последующие годы этот аспект не отражен, несмотря на требование циркулярного предписания ГУНСиКПП от 12 марта 1903 г. В этом же источнике указывается, что 12 управляющих губернскими акцизными управлениями не представили в Отчете за 1901 г. II части «По казенной продаже питей», в том числе пункта о социальных результатах монополии [5, ф. 37, оп. 1, д. 685, л. 17]. Это говорит о том, что внимание к социальным целям но-

вовведения на местах после нескольких лет его действия ослабевало.

По данным управляющего акцизными сборами Уфимской губернии за 1914 г., выглядящими вполне репрезентативно, «пьянство усиливается именно осенью. Казенная водка удачно вытесняет все изобретенные... и несомненно менее вредные хмельные напитки... домашнюю брагу варить «почти что бросают». ...Урожай, следующий за неурожаем, способствует подъему потребления алкоголя в большей мере, чем таковой же точно урожай, но следующий за годом тоже урожайным» [10, ф. 575, оп. 6, д. 856, л. 41–41 об.].

В годы монополии усилилась незаконная торговля крепкими напитками из-за того, что количество заведений, где продавали алкоголь, резко сократилось; но спрос в тех местах, где питейные заведения исчезли с введением реформы, естественно, остался прежним, его и удовлетворяли шинкарщики или перекупщики.

Существовало три основных способа деятельности незаконных продавцов. При самом примитивном из них шинкарщики закупали водку оптом в казенных винных лавках в самой мелкой посуде и в нераспечатанных бутылках перепродавали ее по более высокой цене. При втором способе корчемники покупали казенные питей оптом в крупной посуде в казенных винных лавках и в частных трактирах [5, ф. 37, оп. 1, д. 1908, л. 24 об.], перепродавали их на разлив у себя дома или же в незапечатанной посуде (эта бутылка внешне отличалась от разлитой на государственном заводе, в ней была самодельная пробка, часто не было этикетки) в местностях, свободных от питейных заведений, по более высокой цене. Этот вариант был характерен для мест, удаленных от казенных винных складов (государственных водочных заводов), то есть прежде всего для сельской местности. При этом давали и в долг, и под заклад, так как перекупщик знал должников. Продавали и малолетним. Но не все жители

мест, свободных от казенных винных лавок, обращались к шинкарщикам. Многие запасались вином заблаговременно [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 146 об. – 147]. Третий способ, более изощренный, характерен больше для пригородов и слобод при крупных городах, в которых находились казенные винные склады. Корчемник тоже покупал пития в крупной посуде и разливал их в более мелкую, но при этом наклеивал настоящую этикетку казенного винного склада, которую каким-то способом получал с последнего, скорее всего покупал у рабочих, которые похищали этикетки с предприятия. Получалось, что внешне бутылка водки, которую продавал шинкарщик, не отличалась от таковой, выпущенной с завода.

За незаконную торговлю водкой в запечатанной посуде законом предусматривался штраф не более 30 руб., подобные дела находились в компетенции управляющих акцизными сборами; нелегальная продажа в неопечатанных бутылках или распивочно влекла за собой тюремное заключение до 8 месяцев, эти преступления подлежали компетенции уже суда [5, ф. 37, оп. 1, д. 627, л. 35].

Тайная торговля была больше развита в деревне, причем чем более редкой являлась сеть казенных винных лавок, тем большее распространение получала перепродажа. В городах подобные факты являлись гораздо более редкими, практически на грани статистической погрешности [5, ф. 1602, оп. 1, д. 47, л. 22], это объясняется достаточной плотностью питейных заведений, в том числе частных, на относительно небольшой территории города. Корчемству способствовали «затруднительность сообщения с лавкой» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 31], наличие в селе волостного правления и суда [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 25 об.], базара и ярмарки, «и в этом случае... вино забирается из казенных лавок в более крупной посуде...» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 33 об.]. «Замечаются также случаи большого раз-

вития тайной торговли в селениях, жители коих занимаются кустарными промыслами, когда в интересах сбережения времени кустари пользуются услугами лиц, чаще женщин, предлагающих вино с некоторым повышением против действительной его стоимости» [5, ф. 37, оп. 1, д. 778, л. 5–6].

По данным исследования незаконной торговли водкой в Пензенской губернии «для большинства шинкарей торговля вином является постоянным подсобным в хозяйстве промыслом, обеспечивающим хороший заработок. Тайной торговлей занимаются почти исключительно женщины-крестьянки; мужчины же — только из числа содержателей мелочных лавочек и других сельских торговых заведений. Меньшая часть шинкарок — бедные вдовы с детишками, солдаты, женщины, брошенные мужьями; для них этот промысел является весьма существенным источником пропитания. Но главная масса шинкарок принадлежит к семьям средней состоятельности; они промышляют не в силу крайней нужды, а соблазняясь легким способом заработать лишнюю копейку, чтобы залатать прорехи в своем «бабьем бюджете». Замужняя женщина в крестьянстве имеет свои хозяйственные расходы, которые должна производить за счет своих же особых дополнительных статей. Она обязана обшивать всю семью, не исключая и домохозяина (лишь верхняя одежда покупается на общие ресурсы), а также справлять себе наряды и даже приданое своим дочерям. ...Иногда промышляют понемногу и девушки, употребляя заработок на наряды» [2, с. 48–49]. В Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях «корчемством промышляют обыкновенно беднейшие крестьяне, которых нанимают более богатые, чтобы в случае поимки остаться в стороне» [10, ф. 575, оп. 3, д. 4549, л. 49]. «Можно принять без значительной погрешности, что из шинкарских оборотов 10% отпускается на связанные со свадьбами празднества и угощения, 10% на празд-

ники, 3% на помочи, 5% на общественные сходы и 2% на похороны и крестины. Остальные 70% забираются крестьянами на выпивки по случайным поводам: значительная часть (20%) на весьма распространенные в деревнях «могорочные» попойки, 7% для алкоголиков, 5% на похмелье, 1% для лечения, 2% на гулянки новобранцев и 5% для приема гостей. На все случаи заранее предвидимой потребности в более значительных количествах вина, например на свадьбы, престольные праздники и пр., крестьяне делают заборы в казенных лавках и обращаются к услугам шинкарей лишь при нехватке запасов, что, однако, случается нередко» [3, с. 3].

Во всеподданнейшем отчете о состоянии Псковской губернии за 1912 г. начальник последней указал на широко развившиеся «за последнее время хулиганского характера» преступления, совершающиеся «большей частью в пьяном виде», причем по смыслу доклада следует, что водку «озорникам» продавали перекупщики [10, ф. 575, оп. 6, д. 72, л. 3 об.]. А управляющий акцизными сборами Уфимской губернии в 1914 г. донес в ГУНСиКПП, что «шинкари пользуются хулиганами с целью наводить страх на односельчан, обнаруживающих какие-либо тенденции стеснить их в таком выгодном занятии...» [10, ф. 575, оп. 6, д. 856, л. 44 об.].

В сельской местности Курской губернии на 1906 г. обороты незаконной торговли составляли около 27% (подсчитано по: [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 16–35 об.; 5, ф. 37, оп. 1, д. 778, л. 5–6]) от общего оборота казенных питей, в Пензенской на 1912 г. — 39% [2, с. 49]. В своем циркуляре управляющий акцизными сборами монопольных регионов от 8 марта 1910 г. ГУНСиКПП указал на продолжающееся усиление тайной торговли вином [5, ф. 1602, оп. 3, д. 260, л. 25], не отметив, какой рост имелся в виду — абсолютный или относительный. Но мы, зная, что в период монополии при росте числа «жителей» на одну казен-

ную винную лавку и увеличении общих объемов продажи водки происходил также рост потребления на душу населения, можем предположить повышение незаконной продажи и относительно общих объемов потребления, даже при маловероятном допущении значительного отличия процента незаконной торговли в вышеуказанных регионах. Значит, во второй период реформа все более отдалялась от заявленных социальных целей.

Основную долю борьбы с незаконной торговлей брала на себя полиция, а не органы акцизного надзора. Несмотря на относительную активность, полиция проявляла небрежность в составлении протоколов на шинкащиков: нередко в протоколы «не вносится, какого рода производилась тайная продажа вина в опечатанной или распечатанной посуде» [5, ф. 37, оп. 1, д. 627, л. 35], что затрудняло квалификацию данных преступлений, ведь незаконная торговля в опечатанной посуде являлась административным правонарушением, а в распечатанной — уголовным.

Можем сказать, имея в виду факт увеличения оборотов тайной торговли, что попытки борьбы государства с данным правонарушением представляются малоэффективными. Причем инициатива борьбы исходила из центра, и чем ниже оказывался уровень бюрократии, тем меньше желания у нее было откликаться на просьбы и указания из столицы. Малую активность проявляли местные власти в лице земских начальников и подведомственных им сельских старост, сотских и десятских, которые знали в лицо местных незаконных торговцев водкой [5, ф. 1602, оп. 1, д. 2, л. 139 об.–140].

Реформа привела к распространению публичного пьянства на улице или рядом с казенной винной лавкой, так как в последней алкоголь продавался только на вынос. Через полтора года после введения монополии в Санкт-Петербургской губернии фабриканты последней заметили, что «в

первое время по введению монополии, при усиленном надзоре полиции, случаи буйств и поднимаемых на улице пьяных резко уменьшились, но в последнее время случаи буйств снова увеличились, в особенности в праздничные дни. Значительно усилилась распивка вина на улицах» [10, ф. 575, оп. 6, д. 32, л. 3 об.].

Публичное пьянство наблюдалось прежде всего в городах; в сельской местности оно, в общем, было менее развито; хотя, если село было достаточно крупным, масштаб данного вида пьянства приближался к городскому или даже превышал его. По-видимому, данная закономерность объясняется самой городской обстановкой, где маленькие территории, высокая плотность населения и питейных заведений, а значит, больше собутыльников собиралось около казенных винных лавок, что, конечно, располагало к коллективному распитию спиртного, не отходя от лавки. На тихих городских улицах распитие питей перед лавками было мене развито, чем на базарах. «Уличное пьянство с каждым годом усиливается, особенно в праздничные дни. Способствуют ему... выбор помещений под казенные лавки на наиболее людных улицах и площадях, недалеко от церквей, из которых народ, по окончании богослужения, спешит в казенные лавки» [10, ф. 575, оп. 2, д. 2379, л. 84].

«Публика» нередко ставила данное явление «в упрек» реформе. «Около казенной винной лавки собираются кучи народа, пьянствуют, поют, дерутся и даже тут же располагаются на отдых» [5, ф. 37, оп. 1, д. 542, л. 37]. «Что касается сельских лавок, то распитие вызывается существованием сотых и двухсотых, которые все почти выпиваются около лавки из другой посуды». «В глухих селениях распитие около лавок производится в незначительном размере, около 4–5%, в бойких же, где базары... при станциях... и проезжих селах... достигает до 15% [от общего оборота лавки. — *Е. П.*]» [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 21–22,

26]. В городах Курской губернии на 1906 г. около 20% государственной водки от оборота казенных винных лавок распивалось рядом с последними (подсчитано по: [5, ф. 1602, оп. 1, д. 48, л. 16–35 об.]).

26 июля 1910 г. ГУНСиКПП обратилось к управляющему акцизными сборами Курской губернии с поручением выяснить, как повлияла проводившаяся аграрная реформа на потребление крепких напитков [5, ф. 1602, оп. 3, д. 260, л. 52]. Очевидно, что такие же запросы ГУНСиКПП сделало по всем регионам, где проводилась столыпинская земельная реформа. Интересно, что надежды, возлагаемые на последнюю Министерством финансов, полностью совпадали с главной официальной целью казенной винной монополии, что является, на наш взгляд, косвенным признанием руководством финансового ведомства недостижения казенной продажей питей своих социальных задач.

Очередной по значимости целью казенной винной монополии после улучшения народного благосостояния и нравственности являлось повышение качества спиртоводочной продукции с помощью введения обязательной горячей очистки (ректификации) спирта-сырца, сосредоточения производства водки в руках правительства и внедрения системы государственного контроля соответствующих показателей.

Дело в том, что до реформы казенный надзор качества крепкоалкогольной продукции осуществлялся только в форме проверок помощниками окружных акцизных надзирателей или контролерами губернских акцизных управлений конечного продукта в местах розничной его продажи по доносам [5, ф. 37, оп. 1, д. 241, л. 16] либо планоно [5, ф. 37, оп. 1, д. 72, л. 1; 5, ф. 37, оп. 1, д. 344, л. 17], контроль качества на производстве, которое осуществлялось на винокуренных заводах, отсутствовал. Во время плановых ревизий последних проверялась документация, оплата акцизом

спирта и водки, сохранность пломб на контрольных снарядах [5, ф. 37, оп. 1, д. 77, 82, 89, 90, 405, 407, 408, 512]. Причем среди проверяемых показателей в источниках фигурируют крепость [5, ф. 37, оп. 1, д. 72, л. 1; 5, ф. 37, оп. 1, д. 241. л. 6, 16 об., 22–22 об.; 10, ф. 575, оп. 6, д. 294, л. 32, 54] и степень наполняемости посуды (только один выявленный факт) [5, ф. 37, оп. 1, д. 344, л. 17], не обращалось внимания ни на вкус, ни на чистоту продукта, ни на внешний вид бутылок. В период же монополии качество контролировалось в трех формах: 1) исследованиями проб продукции в центральных химических лабораториях (ЦХЛ) [5, ф. 1602, оп. 3, д. 111, л. 13], губернских (ГХЛ) [5, ф. 23, оп. 1, д. 40, л. 45–45 об.] и лабораториях при казенных винных складах; 2) ревизиями государственных спиртоводочных заводов ревизорами акцизных управлений [5, ф. 37, оп. 1, д. 649, л. 9–10 об., 11, 21–21 об.]; 3) приемками на казенных винных складах [5, ф. 37, оп. 1, д. 649, л. 73 об.].

Несмотря на наличие иерархии надзора за качеством, которой не существовало до казенной продажи питей, контроль нельзя признать достаточно эффективным, так как контролирующие органы и должностные лица не налагали санкций за нарушение норм качества [5, ф. 1602, оп. 1, д. 173, л. 16–16 об.; 5, ф. 23, оп. 1, д. 76, л. 1]. При последней же форме производители проверяли сами себя, что в условиях монополии не могло быть действительно [5, ф. 37, оп. 1, д. 649, л. 9 об., 56, 70 об.]. Сомнительной репрезентативностью обладали и контрольные пробы, присылаемые на проверку в лабораторию, так как в последних исследовалась водка, взятая не из розничной продажи, а специально отобранная на заводе для отправки химикам, и точно сказать, насколько продукция, присланная в ЦХЛ и ГХЛ, отличалась от продаваемой в казенных винных лавках, было невозможно. Не исключено, что качество последней было

ниже. Лаборанты же ЦХЛ проверяли только заводы и не брали водку на исследование из розничной продажи.

В итоге качество готового продукта нарушалось почти по всем показателям, кроме крепости, которая с незначительными отклонениями соблюдалась [5, ф. 1602, оп. 3, д. 111, л. 18; 5, ф. 1602, оп. 3, д. 140, л. 86; 5, ф. 1602, оп. 3, д. 166, л. 16–16 об.; 5, ф. 1602, оп. 1, д. 74, л. 46–46 об.]. Нередко ректификованные спирты не соответствовали нормам чистоты [10, ф. 575, оп. 11, д. 39, л. 2 об. – 3]; очень часто оказывался неудовлетворительным внешний вид бутылок из-за некачественных красок для этикеток [5, ф. 1602, оп. 1, д. 166, л. 2] и плохого клея, так что бумага просто отваливалась [5, ф. 37, оп. 1, д. 649, л. 9 об., 21]; встречался недолив водки в тару [5, ф. 1602, оп. 1, д. 74, л. 46–46 об.]; посуда, неоднократно используемая, часто плохо промывалась [5, ф. 37, оп. 1, д. 649, л. 9], в итоге бутылка уже с напитком оказывалась снаружи грязной [5, ф. 37, оп. 1, д. 1023, л. 80 об.]. Попадали в продажу и мутноватые питей (от ржавчины из моечных труб, растворения поверхности пробок, неудовлетворительной воды для рассиропки) [9, с. 55; 10, ф. 575, оп. 3, д. 4549, л. 6 об.–7], и с хлопьями (из грязных моечных корыт) [9, с. 56], и с осадками [5, ф. 23, оп. 1, д. 150, л. 4–4 об.].

Сравнить качество монопольного и до реформенного крепкого напитка возможно только по одному показателю — крепости, так как в период свободного оборота алкоголя при проверках учитывался только он. При казенной продаже питей 40%-ная норма содержания этилового спирта в легально продаваемой водке соблюдалась более строго, до монополии нередко этот показатель понижался на 0,5–1,2%, а в годы действия реформы — максимум на 0,5%. Однако следует учитывать, что незаконные торговцы, закупив алкоголь в гославках, нередко его разбавляли.

На наш взгляд, к монополии как средству повышения качества продукции следует относиться, в общем, скептически.

В качестве обобщения укажем, что в первый период монополии при приоритетности для центрального правительства социальных целей нововведения произошло некоторое улучшение народного благосостояния, потребление алкоголя стало более равномерным, временно уменьшилось потребление на душу населения. В то же время через пять лет казенная продажа питей полностью себя окупила, после чего стала давать государству значительную дополнительную прибыль. Реформа породила такие негативные явления, как усиление незаконной продажи водки и развитие уличного пьянства, которые серьезно подрывали ее социальные успехи.

Вынужденную переориентацию алкогольной политики с 1904 г. на повышение бюджетной отдачи казенного алкоголя вызвали Русско-японская война, социально-экономические последствия первой российской революции и экономический кризис 1908 г. Повышения цен на водку значительно увеличили государственный питейный доход, но фискальная направленность монополии серьезно усилила незаконную питейную торговлю, которая все сильнее подрывала социальные достижения реформы. Полностью социальных задач казенная продажа питей так и не достигла, что косвенно в 1910 г. и признало Министерство финансов.

Основываясь на изученных фактах, к монополии как средству повышения качества продукции мы относимся, в общем, скептически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vitte S. Ju.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912.
2. *Воронов Д. Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913.
3. *Воронов Д. Н.* Анализ деревенского потребления вина в Пензенской губернии // Отдельные оттиски из № 10 «Вестника Пензенского земства». 1914.
4. Второе дополнение к сборнику узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей. СПб., 1900.
5. Государственный архив Курской области.
6. Источник. 1997. № 6.
7. *Курукин И. В., Никулина Е. А.* «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.
8. Отчет Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1906 год. СПб., 1909.
9. Отчет о ходе и положении акцизного и монопольного дела в Варшавско-Седлецком акцизном управлении в 1903 году. Варшава, 1904.
10. Российский государственный исторический архив.
11. Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему. СПб., 1899.
12. Смета доходов и расходов Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей на 1900 г. СПб., 1899.
13. *Соколов С. И.* Казенная продажа питей. СПб., 1897.
14. *Соколов С. И.* Уставы об акцизных сборах. СПб., 1902. Ч. I.

REFERENCES

1. *Vitte S. Ju.* Konspekt lektzij o narodnom i gosudarstvennom hozjajstve, chitannyh ego imperatorskomu visochestvu velikomu knjazju Mihailu Aleksandrovichu v 1900–1902 gg. SPb., 1912.

-
2. Voronov D. N. Alkogolizm v gorode i derevne v svyazi s bytom naselenija. Obsledovanie potreblenija vina v Penzenskoj gubernii v 1912 godu. Penza, 1913.
 3. Voronov D. N. Analiz derevenskogo potreblenija vina v Penzenskoj gubernii // Otdel'nye ottiski iz № 10 «Vestnika Penzenskogo zemstva». 1914.
 4. Vtoroe dopolnenie k sborniku uzakonenij i pravitel'stvennyh raspo-rjazhenij po kazennoj prodazhe pitej. SPb., 1900.
 5. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti.
 6. Istochnik. 1997. № 6.
 7. Kurukin I. V., Nikulina E. A. «Gosudarevo kabatskoe delo»: Oчерki pitejnoj politiki i traditsij v Rossii. M., 2005.
 8. Otchet Glavnogo upravlenija neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1906 god. SPb., 1909.
 9. Otchet o hode i polozenii aktsiznogo i monopol'nogo dela v Varshav-sko-Sedleckom akciznom upravlenii v 1903 godu. Varshava, 1904.
 10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.
 11. Sbornik uzakonenij i pravitel'stvennyh rasporjazhenij po kazennoj prodazhe pitej i pervoe dopolnenie k nemu. SPb., 1899.
 12. Smeta dohodov i rashodov Glavnogo upravlenija neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej na 1900 g. SPb., 1899.
 13. Sokolov S. I. Kazennaja prodazha pitej. SPb., 1897.
 14. Sokolov S. I. Ustavy ob aktsiznyh sborah. Ch. I. SPb., 1902.

И. Л. Кислицына

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ ПРЕДРЕФОРМЕННЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ М. А. БАКУНИНА**

Исследованы взгляды теоретика народничества и анархизма М. А. Бакунина конца 1840-х — начала 1850-х гг. на крестьянское движение в России предреформенных десятилетий. Сопоставление их с современными научными представлениями по данной проблеме привело к выводу об объективности отражения во взглядах Бакунина особенностей крестьянского движения в России этого периода, о знании им русской жизни.

Ключевые слова: анархизм М. А. Бакунина, народничество, крестьянское движение в России, дореформенный период.

I. Kislitsyna

**PEASANT MOVEMENT IN RUSSIA DURING THE DECADES PRECEDING
THE ABOLITION OF SERFDOM
IN M. A. BAKUNIN'S SOCIAL AND POLITICAL VIEWS**

The views of M. A. Bakunin, the theorist of Narodnik movement and anarchism, of the end of 1840s and the beginning of the 1850s on the peasant movement in Russia during the decades preceding the abolition of serfdom are discussed. A comparison with contemporary scientific notions about this issue leads to a conclusion that Bakunin's conception was realistic and that he was aware of Russian life of that time.

Keywords: Bakunin's anarchism, Narodnik ideology, peasant movement in Russia, the period preceding the abolition of serfdom.